

А.А. Митрофанов
Институт всеобщей истории РАН

**«ПОЛИЦЕЙСКАЯ ИМПЕРИЯ» НАПОЛЕОНА
КАК НАСЛЕДИЕ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ:
ВЗГЛЯД Ж.-О. БУДОНА**

Автор эссе размышляет о книге французского историка, президента Института Наполеона Жака-Оливье Будона «Полицейская империя. Как Наполеон наводил порядок», вышедшей в 2017 г. в парижском издательстве «La librairie Vuibert». Исследование Будона содержит анализ институтов полиции и жандармерии, их социального состава, численности, методов борьбы с уголовной преступностью и народным протестом, дезертирством, политическими заговорами. Особое внимание уделено роли самого Наполеона и его министров в процессе создания «нового порядка». Автор приходит к выводу, что в своей политике император продолжал реализацию намеченного еще в эпоху Директории, а сами социальные проблемы, порожденные ситуацией 1790-х гг., с которыми приходилось бороться властям, изменялись количественно, а не качественно. В разных регионах эффективность органов правопорядка была также различной. Дискуссионным остается вопрос об эффективности наполеоновской полиции и жандармерии в борьбе с локальными вспышками народного политического сопротивления как на территории французских департаментов, так и на новых территориях, присоединенных после 1791 г.

Ключевые слова: полиция, жандармерия, Консулат, Первая империя, Французская революция, Наполеон Бонапарт, Ж. Фуше, Р. Савари, Ж.-О. Будон

Цитирование: *Митрофанов А.А.* «Полицейская империя» Наполеона как наследие Французской революции: взгляд Ж.О. Будона. DOI 10.32608/0235-4349-2021-1-54-290-302 // Французский ежегодник 2021: Эпидемии в истории Франции. Т. 54. М.: ИВИ РАН, 2021. С. 290-302.

Поступила в редакцию: 30.10.2020

Принята к печати: 14.07.2021

Andrey A. Mitrofanov
*Institute of World History of
the Russian Academy of Sciences*

**NAPOLEON'S «POLICE EMPIRE» AS A LEGACY
OF THE FRENCH REVOLUTION:
THE VIEW OF J.-O. BOUDON**

The author deliberates the new book of Jacques-Olivier Boudon «L'Empire des polices. Comment Napoléon faisait régner l'ordre» (2017). Managed the order Budon's research includes an analysis of the institutions of the police and gendarmerie, their social composition, number, methods of combating crime and popular protest, desertion, and political conspiracies. Particular attention is paid to the role of Napoleon himself and his ministers in the process of creating the "New Order". Boudon comes to the conclusion that in his policy the emperor continued to implement what had been planned back in the era of the Directory, and the social problems themselves, generated by the situation in the 1790s, which the authorities had to deal with, changed quantitatively, not qualitatively. The effectiveness of law enforcement agencies was also different in different regions (in the territory of the French departments and in the new territories annexed).

Keywords: police, gendarmerie, Consulat, First Empire, French Revolution, Napoleon Bonaparte, J. Fouché, R. Savary, J.-O. Boudon

Citation: Mitrofanov, A.A. (2021) «Politzeiskaya imperia» Napoleona kak nasledie Frantsuzskoi revolutsii: vzglaid J.-O. Boudona [Napoleon's «Police Empire» as a legacy of the French Revolution: the view of J.-O. Boudon]. DOI 10.32608/0235-4349-2021-1-54-290-302. *Annual of French Studies* 2021, vol. 54, p. 290-302.

Жак-Оливье Будон, президент Института Наполеона, профессор университета Париж-Сорбонна, представил свою концепцию истории полиции и органов правопорядка Франции начала XIX в. в монографии «Полицейская империя. Как Наполеон наводил порядок»¹. Взгляд Будона на историю правоохранительной системы наполеоновской Франции и присоединенных к ней террито-

¹ *Boudon J.-O. L'Empire des polices. Comment Napoléon faisait régner l'ordre. Paris, La librairie Vuibert, 2017, 330 p.* В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте статьи в круглых скобках.

рий, коренным образом отличается от концепций многих его предшественников в изучении данной темы. Его интересует, прежде всего, история государственных институтов, их эволюция, а не те социальные потрясения и политические события, благодаря которым на месте уничтоженной системы полиции Старого порядка и появилась новая, более соответствующая потребностям новой эпохи.

Интерес к истории полиции, органов правопорядка, криминальному миру, политическим заговорам и бандитизму во Франции возник в зарубежной науке еще со времен публикации многочисленных мемуаров наполеоновских и революционных политиков и военных, в частности, самого знаменитого сыщика эпохи – Э.-Ф. Видока, вышедших в 1828 г. Каждое поколение создавало новую версию истории полиции наполеоновских времен, под чутким руководством Фуше, Савари, Паскье и Демаре контролировавшей не только безопасность государства, но и общественное мнение. В XX в. данная тема вновь обрела научную актуальность. Начало 1970-х гг. ознаменовалось выходом в свет фундаментальной монографии английского историка Ричарда Кобба «Полиция и народ. Народный французский протест. 1789-1820»², получившей широкое признание и переведенной на несколько языков. Однако в монографии Кобба на первом месте все же находятся вопросы социально-политической истории, при том, что автор не ограничивался хронологическими рамками существования наполеоновского режима, но рассматривал также периоды Революции и Реставрации Бурбонов. Среди наиболее известных историков, специализировавшихся на изучении Первой империи, важное внимание истории полиции, жандармерии и контрразведки уделяли М. Броэрс, А. Форрест, Г. Браун, С. Клэй и ряд других³. Особое место в историографии французской полицейской системы этого периода занимает монография «Рождение современной полиции»

² Cobb R. The Police and the People: French Popular Protest, 1789-1820. Oxford, 1972.

³ Brown H.G. From organic society to security state: the war on brigandage in France 1797-1802 // The Journal of Modern History. 1997. Vol. 69. № 4. P. 661-665; Brown H.G. Ending the French revolution: violence, justice, and repression from the Terror to Napoleon. Charlottesville, 2006; Broers M. Napoleonic Imperialism and the Savoyard Monarchy 1773-1821: State Building in Piedmont. S.l., 1997; *Idem*. The Napoleonic Gendarmerie. The state on the periphery made real // Crime, Histoire and Sociétés. 2016. Vol. 20. № 1. [Электронный ресурс]: URL: <http://journals.openedition.org/chs/1641> (Дата обращения: 25.04.2021); Clay S. Les réactions du midi: conflits, continuités et violences // AHRF. № 345. 2006. P. 55-91; Forrest A. Conscripts and Deserters: The Army and French Society During the Revolution and Empire. Oxford, 1989.

П. Наполи, который, следуя методологии, разработанной М. Фуко, представил авторскую концепцию органов контроля и правопорядка в течение всего XVIII в., включая Революцию, и сопроводил ее сравнительным анализом полицейских структур других стран⁴. В советской историографии указанная тематика затрагивалась в работе Д.М. Туган-Барановского о противодействии республиканской оппозиции наполеоновскому режиму⁵. В первое десятилетие нового века труды по истории полиции и жандармерии, как коллективные, так и авторские монографии, выходили с завидной регулярностью⁶. Из последних по времени отметим книгу Жана Тюлара «Преступный мир при Наполеоне: 1789-1815 гг.»⁷. В рамках своего исследования Тюлар объединил все виды нарушений закона и порядка во Франции: от неоякобинских заговоров против Первого консула и покушения роялистов на его жизнь в декабре 1800 г. до массового бандитизма, который sporadически охватывал страну или ее отдельные регионы со времен Директории и до 1815 г.

Ж.-О. Будон, как уже отмечалось, предлагает нам совсем иной подход к изучению этой большой, практически необъятной темы. Он систематизирует историю полиции, не повторяя схемы своих многочисленных предшественников и не сводя ее к пересказу биографий Фуше, Савари, Демаре, Паскье и других. Ж.-О. Будон использует богатые материалы Национального Архива и архива министерства обороны Франции, а также тринадцати региональных архивов Италии, Франции и России.

Распределение ролей между полицией, как полностью гражданским институтом, и жандармерией, как подразделением армии, было новацией именно наполеоновского времени. Император французов рассматривал такую конфигурацию как «ключ к успешности» своей модели власти, который обеспечит ей долговечность. В остальном, полагает автор, Наполеон опирался на ранее существовавшие структуры, такие, как министерство общей полиции, основанное при Директории, и жандармерию, основанную еще при Учредительном Собрании в 1791 г. Даже префекту-

⁴ *Napoli P.* Naissance de la police moderne. Pouvoir, normes, société. P., 2003.

⁵ *Туган-Барановский Д.М.* Наполеон и республиканцы (Из истории республиканской оппозиции во Франции в 1799-1812 гг.). Саратов, 1980.

⁶ *Lignereux A.* Servir Napoléon. Policiers et gendarmes dans les départements annexés 1796-1814. Seyssel, 2012; *Police et gendarmerie dans l'Empire napoléonien / Sous la direction J.-O. Boudon.* P., 2013.

⁷ *Tular J.* Le monde du crime sous Napoléon: 1799-1815. P., 2017.

ра столичной полиции в целом копировала существовавшее при Старом порядке ведомство генерального лейтенанта полиции. Таким образом, Первый консул, а затем император, не отрекался от наследия и Старого порядка, и Революции, но стремился к синтезу институциональных традиций и новаций, который бы обеспечил ему предельную централизацию всех рычагов управления в его руках. «Полиция была на самом деле одной из несущих опор наполеоновского государства, одной из “гранитных глыб”, на которые он мог опираться в течение 15 лет», отмечает автор монографии (С. 278). Вместе с тем, Ж.-О. Будон признает, что полицейская служба, организованная таким образом, хотя и позволяла контролировать поддержание порядка на огромном пространстве из 130 департаментов с населением в 44 млн человек, была далека от совершенства. Гарантией относительной эффективности полицейской системы являлось постоянство кадровой политики Наполеона: его главный принцип заключался в сохранении большинства руководителей и рядовых комиссаров на их должностях максимально долгое время. Так достигалась высокая степень профессионализации полицейских служб империи, что было невыполнимо во времена Национального Конвента и Директории.

Книга состоит из восьми глав, посвященных последовательно истории жандармерии, борьбе с политическими заговорами, взаимоотношениям полиции, жандармов и секретных служб эпохи Консулата и Первой империи. Немалое внимание Ж.-О. Будон уделяет и фигурам Жозефа Фуше – министра полиции в 1799-1802, 1804-1810 гг. и Рене Савари – министра полиции в 1810-1814 гг. Две первые главы посвящены вопросам организации и реорганизации полиции и жандармерии с момента переворота 18 брюмера VIII года до окончания Консулата. В третьей главе автор переходит к рассмотрению политических задач по защите безопасности государства, которые стояли перед полицией. Ж.-О. Будон анализирует многочисленные заговоры, которыми отмечен этот непростой период в истории Франции. Так, он подробно рассматривает «заговор кинжалов» (С. 55-60), который предоставил повод для ареста и преследования многочисленных якобинцев, находившихся в радикальной оппозиции. Описывается история раскрытия заговоров роялистов – покушения на улице Сен-Никез, предоставившего повод для репрессий уже против сторонников реставрации монархии (С. 70-71), и Ж. Кадудала (С. 81-85).

В следующих двух главах автор предлагает свое видение состава полиции времен Первой империи, особое внимание уделяя ее социологическому анализу, и фактически предлагает биографический очерк ее сотрудников. В книге представлены десятки кратких биографий генеральных комиссаров, комиссаров и жандармов разного уровня в иерархии власти, кратко анализируются их личные карьерные стратегии в контексте политической истории 1799-1815 гг.

В главе «Полиция в повседневной жизни» Ж.-О. Будон анализирует повседневные заботы органов правопорядка, такие как борьба с уголовной преступностью, грабежами, разбоем на дорогах, поджогами, дезертирством, контрабандой. Здесь же автор поднимает вопрос о контроле в религиозной сфере (С. 146-149), о так называемой полиции по делам культа, первоначально руководимой министром, членом Института и одним из авторов Гражданского Кодекса Порталисом. Автор напоминает, что, по мнению Наполеона, религия должна служить интересам государства и выступать гарантом социального равновесия. Полиция по делам культа очень быстро начала преследовать священников, отказавшихся принести присягу на верность Конституции VIII года Республики и оставшейся за рамками Конкордата, образуя так называемую «Малую церковь». Многие из новых неприсягнувших священников имели контакты с епископами, проживавшими в эмиграции, и полиция подозревала их в роялизме. Как показывает Ж.-О. Будон, именно на этой почве сложился кризис, который после оккупации Папского государства в 1808 г. привел к изданию в 1809 г. буллы об отлучении Наполеона от церкви, к аресту и пленению папы Пия VII. Это создало новый фронт работы для полицейского ведомства, которому было поручено отслеживать сторонников понтифика во Франции и Италии и держать их под строгим наблюдением (С. 194).

Проблема «Юга» в истории Франции конца XVIII – начала XIX вв. занимает важное место в современной историографии⁸. Особенности политического насилия и бандитизма в южных и юго-восточных департаментах Франции подробно проанализированы В. Согтоказой⁹. Ж.-О. Будон, в свою очередь, предлагает обратить

⁸ Lucas C. The Problem of the Midi in the French Revolution // Transactions of the Royal Historical Society. 1978. Vol. 28. P. 1-25.

⁹ Sottocasa V. Les brigands et la Révolution. Violences politiques et criminalité dans le Midi (1789-1802). Ceyzérieu, 2016.

внимание на феномен бандитизма первых лет XIX в. Так, бандитизм в Провансе начинает особенно бурно развиваться после брюмериянского переворота. Только в двух крупных департаментах Воклюз и Буш дю Рон за 6 месяцев было совершено 100 убийств, 12 жертв которых были чиновниками, 10 – служащими правоохранительных органов. В нападениях на небольшие города и сельские коммуны в Провансе участвовали сотни человек. Грабежам подвергались казначейские и почтовые дилижансы, крупные приобретатели национальных имуществ, бывшие якобинцы. Позднее участились нападения на жандармские казармы в провинции. Для усмирения этого разгула преступности в Прованс была направлена армейская жандармерия под командованием генерала Э. Раде, которая при поддержке местных правоохранителей в 1800 г. ликвидировала до 80 бандитов. Аналогичные методы подавления применялись и на северо-востоке в борьбе с остатками движения шуанов. Все эти меры показали свою эффективность уже к 1802 г., но они отнюдь не устранили причины самой проблемы (С. 135-136). Заметим, что масштабы локального бандитизма в отдельных регионах, как, например, в бывшем графстве Ницца – департаменте Приморские Альпы, были гораздо более значительны, чем в исконно французских департаментах.

Источником кадров, подпитывавшем повстанческие группы и бандитские отряды, на протяжении всего периода 1799-1814 гг. оставалось дезертирство. Ж.-О. Будон анализирует большое количество частных случаев такого рода за период Консульства и Империи, останавливаясь особенно на периоде с 1807 г., когда в целом криминальная обстановка во Франции стала более спокойной. Статистика борьбы государства с этой проблемой показывает, что все меры были не очень эффективны. В 1800 г. дезертиров и уклонистов от службы насчитывалось до 200 000 человек. С 1799 по 1806 гг. число уклонившихся от призыва достигло 130 000 человек, число дезертиров – 60 000 человек, хотя в процентном отношении доля их сократилась с 28% до 13% в связи с многократным увеличением призыва в действующую армию. Глубокие традиции сельской солидарности, сочувствие уклонистам и дезертирам со стороны родственников и соседей затрудняло работу полиции и жандармов. Одной из дополнительных мер борьбы с данным явлением стала введенная в 1807 г. практика размещения военных на постой по частным домам отказников и дезертиров.

В Аквитании против призыва в армию в 1804-1813 гг. произошло 196 локальных восстаний, а в новых альпийских департаментах – Савойя и Леман только за один 1806 г. имели место 10 восстаний «против действий органов правопорядка» (С. 142-143). И, хотя эти факты были проанализированы еще в классической работе А. Фореста 1989 г., из книги Будона следует, что они могут бесконечно уточняться и дополняться за счет работы в региональных архивах.

Об эффективности работы полиции и жандармов свидетельствуют наиболее яркие примеры. В своих выводах Ж.-О. Будон солидаризируется с выводами М. Броэrsa. Так, в Пьемонте в 1805-1806 гг. особенно активизировались отряды бандитов под началом Ж. Майно по прозвищу «Альпийский император». Там к обычным практикам грабежей добавилась и новая – похищение видных представителей местной элиты и их детей с целью получения выкупа. С 1805 г. увеличила зону своего влияния банда в местности Нарцоле, в провинции Кунео; ее удалось ликвидировать только в 1807 г. Здесь отряды повстанцев-бандитов пользовались широкой поддержкой местного населения, мэров и части местного духовенства. В свою очередь, армейское командование стало чаще назначать туда комендантами тех офицеров и генералов, которые уже располагали опытом подавления очагов народной войны на Западе и Юге Франции. Важно было также «правильно» формировать общественное мнение. Министр полиции Ж. Фуше в этот момент особенно отмечал, что не стоит преувеличивать значимость «побед» над разбойниками, чтобы не создавать у населения впечатление о них, как о предводителях гражданской войны (С. 230).

Испанский опыт имел свои особенности. Здесь четырехтысячный корпус жандармов, сформированный в 1808 г. исключительно из французов, изначально должен был контролировать только дороги и зону вдоль военных коммуникаций от Пиренеев по Кастилии и Арагону. Однако в охваченной герильей стране жандармам пришлось выполнять, по сути, функции оккупационной армии, постоянно участвовать в экспедициях мобильных колонн, эскортировать пленных и осужденных повстанцев. Корпус испанских жандармов был расформирован в 1813 г., а их сугубо военный опыт пригодился уже в ходе французской кампании 1814 г. (С. 242-244).

Полицейская модель наполеоновской Франции активно распространялась и на другие страны, прежде всего, на вассальные по отношению к Франции государства. В Итальянском королев-

стве, где существовавшие с 1797 г. жандармские бригады были реформированы генералом Раде и переданы в ведение военного министерства, французская модель был скопирована в точности. В Неаполитанском королевстве жандармерия формировалась заново с 1806 г.: именно на ее плечи и на плечи самого генерала Раде легли обязанности по подавлению нескольких народных восстаний в разных областях Центральной и Южной Италии. Тот же опыт был повторен и в Тоскане с 1808 г. Во всех государствах Италии жандармы не пользовались доверием и симпатиями местного населения и набор в их части шел с большим трудом. В Голландии были созданы министерства юстиции и полиции, которых ранее не было, а руководство силами правопорядка максимально централизовали, что стало, по мнению Будона, почти новой «революцией» в стране, где этими вопросами веками ведали местные магистраты и коммуны. Как признавал сам король Голландии Луи Бонапарт, опыт создания полиции и жандармерии здесь оказался неудачным. (С. 248). Из всех германских земель только в Вестфалии французская модель полиции была воссоздана в полном размере, в других государствах она лишь частично копировалась. Вестфальское министерство юстиции и управление высшей полиции занимались не только обеспечением правопорядка, но и контролем общественного мнения, цензурой. Жандармские части рекрутировались только из коренных немцев. Но автономия жандармерии была утрачена в 1811 г., когда она полностью перешла в ведение высшей полиции. (С. 252). Таким образом, заключает Будон, французская модель доказывала свою жизнеспособность не только в части репрессий, но и в широком смысле обеспечения безопасности в обществе.

Важный аспект деятельности жандармерии на территории присоединенных департаментов Империи, как отмечает Будон, относился к сфере частной жизни и повседневности. Постоянно расквартированные в казармах жандармы нередко вступали в брак с представительницами местного населения. Число таких смешанных браков в Италии к 1814 г. достигло 50%, что не лучшим образом сказывалось на энтузиазме служителей правопорядка в борьбе с криминальными проявлениями и еще больше с массовым бандитизмом и разбоем. К тому же от 20 до 28% общего состава жандармских подразделений состояло из местного населения, что влияло на деятельность жандармерии аналогичным образом (С. 226).

Таким образом, из исследования Ж-О. Будона можно сделать вывод о том, что масштаб операций по борьбе с дезертирством, отказом от армейской службы, организованной преступностью и разбоем для жандармерии оказался непосильным; быстро и эффективно действовать она могла только вместе с частями регулярной армии (С. 142, 233).

Особое внимание Будон уделяет проблеме массового бандитизма, охватившего разные регионы Французской империи в 1799-1814 гг. В большинстве случаев это происходило в старых очагах народного сопротивления Революции – в Провансе, Аквитании, Лангедоке, Альпийском регионе, Пьемонте, Тоскане и т.д. Приводимые автором источники свидетельствуют, что власти при Консулате и Империи, как в столице, так и на местах, намеренно использовали эвфемизмы и синонимы при упоминании о народном сопротивлении «новому порядку», а также активно манипулировали цифрами для их приуменьшения. В ряде регионов, например, в Пьемонте, так называемый «бандитизм» носил еще больший масштаб и более ожесточенный характер, чем ранее имевшие там место антифранцузские крестьянские восстания 1799-1802 гг. или движение барбэ. Установление политического контроля над территорией отнюдь не гарантировало ее действительного и полного подчинения французским законам. Учреждение местной полиции не являлось залогом общественной безопасности, спокойного транспортного сообщения и сбора налогов. В локальных войнах против восставшего народа (независимо от того, как его именовали в официальных рапортах) сил одних только жандармов оказывалось недостаточно и требовалось участие армии. Не имея возможности подавить социальный и политический массовый протест, и его крайние формы, полицейские власти и администрация благоразумно переименовывали народную «герилью» в «бандитизм». Эта традиция была унаследована от времен Конвента и Директории, когда в официальном дискурсе термин «бандитизм» выступал синонимом «шуанерии» – так обозначали любые действия вооруженного местного населения, направленные против революционных властей. Первый консул взял курс на умиротворение участников народной войны. Отныне политическая окраска тех же самых явлений казалась неуместной, и термин «бандитизм» окончательно вытеснил в официальном дискурсе понятие «шуанерии».

Вместе с тем выводы Ж.-О. Будона могли бы быть скорректированы при расширении хронологии исследования и включения в него периода Директории, то есть времени высочайшего подъема бандитизма, вынудившего власти пойти на создание министерства общей полиции и жандармерии. Так, подавление движения барбэ, охватившего постепенно после 1792 г. бывшее графство Ницца и после 1796 г. немалую часть Пьемонта, потребовало максимального напряжения сил, восстановления деятельности специальных (чрезвычайных) судов – гражданских и военных комиссий, активному формированию карательных «мобильных колонн» с участием отрядов национальной гвардии¹⁰. Тогда же был принят закон о «заложенниках» как крайняя мера борьбы с повстанцами и «бандитами»¹¹. Однако официальное именование народного протеста, направленного против Республики и ее принципов, «бандитизмом» не меняло его сути. Впрочем, результаты приносили не только репрессивные меры. В 1799-1802 гг. военная администрация и командование отдельных дивизий в Приморских Альпах и Пьемонте прибегало и к очень своеобразным шагам, повторяя прежние меры времен Конвента – объявляя акты локальной амнистии и активно привлекая восставшее население, в том числе откровенно криминальные группы, в ряды республиканской армии. Такая комплексная политика, вместе с заключением Конкордата 1801 г., оказалась гораздо успешнее в деле наведения общественного порядка и установления гражданского мира, нежели одни только репрессии.

Концепция «полицейской империи» Ж.-О. Будона – это результат многолетних специальных исследований темы, анализа многих не только центральных, но региональных архивов. Она оригинальна и отражает ряд современных тенденций в исторической науке. В работе представлен социальный анализ состава полиции и жандармерии, методик управления и роли отдельных личностей в этой сложной иерархии, в которой, к тому же, по желанию самого Наполеона, присутствовали элементы сдержек и противовесов, взаимного контроля специальных служб и органов правопорядка. По мнению автора монографии, эти учреждения начала

¹⁰ Митрофанов А.А. Протестные движения в Пьемонте периода Итальянской кампании Бонапарта (по донесениям русских дипломатов) // ФЕ 2019: Эпоха Наполеона и память о ней. М., 2019. С. 75-99; *Iafelice M. Barbets! Les résistances à la domination française dans le pays niçois (1792-1814)*. Nice, 1998.

¹¹ *Brown H.G. From organic society... P. 683-684.*

XIX в. непосредственным образом вырастали из институтов революционного десятилетия, но с существенными изменениями, например, в части профессионализации служб, усиления специальных методов расследования, а также в связи с резким повышением социального статуса самих служащих, которые в большинстве случаев были впервые включены в категорию «нотаблей». Исследование Жака-Оливье Будона демонстрирует, что история институтов, просопография и историческая антропология занимают сегодня особое положение в пространстве исторической науки. Так же к числу несомненных достоинств книги следует отнести ясный стиль изложения и высочайшую скрупулезность в работе с архивными источниками.

REFERENCES

- Brown H.G.* From organic society to security state: the war on brigandage in France 1797–1802 // *The Journal of Modern History*. 1997. Vol. 69. № 4. P. 661–695.
- Brown H.G.* Ending the French revolution: violence, justice, and repression from the Terror to Napoleon. Charlottesville, 2006.
- Broers M.* Napoleonic Imperialism and the Savoyard Monarchy 1773-1821: State Building in Piedmont. S.l., 1997.
- Broers M.* The Napoleonic Gendarmerie. The state on the periphery made real // *Crime, Histoire and Sociétés*. 2016. Vol. 20. № 1. [Электронный ресурс]: URL: <http://journals.openedition.org/chs/1641> (Дата обращения: 25.04.2021).
- Clay S.* Les réactions du midi: conflits, continuités et violences. // *Annales historiques de la Révolution française*. № 345. 2006. P. 55-91.
- Cobb R.* The Police and the People: French Popular Protest, 1789-1820. Oxford, 1972.
- Forrest A.* Conscripts and Deserters: The Army and French Society During the Revolution and Empire. Oxford, 1989.
- Iafelice M.* Barbets! Les résistances à la domination française dans le pays niçois (1792-1814). Nice, 1998.
- Lignereux A.* Servir Napoléon. Policiers et gendarmes dans les départements annexés 1796 1814. Seyssel, 2012.
- Lucas C.* The Problem of the Midi in the French Revolution. // *Transactions of the Royal Historical Society*. 1978. Volume 28. P. 1 25.
- Napoli P.* Naissance de la police moderne. Pouvoir, normes, société. Paris, 2003.

Police et gendarmerie dans l'Empire napoléonien. Sous la direction J.-O. Boudon. Paris, 2013.

Sottocasa V. Les brigands et la Révolution. Violences politiques et criminalité dans le Midi (1789-1802). Ceyzérieu, 2016.

Tulard J. Le monde du crime sous Napoléon: 1799-1815. Paris, 2017.

Митрофанов А.А. Протестные движения в Пьемонте периода Итальянской кампании Бонапарта (по донесениям русских дипломатов) // Французский ежегодник 2019: Эпоха Наполеона и память о ней. М., 2019. С. 75-99. [Mitrofanov A. A. Protestnyye dvizheniia v P'emonte perioda Ital'ianskoi kampanii Bonaparta (po doneseniiam russkikh diplomatov) // Frantsuzskii ezhegodnik 2019: Epokha Napoleona i pamiat' o nei. M., 2019. S. 75-99].

Туган-Барановский Д.М. Наполеон и республиканцы (Из истории республиканской оппозиции во Франции в 1799-1812 гг.). Саратов, 1980. [Tugan-Baranovskij D.M. Napoleon i respublikancy (Iz istorii respublikanskoj oppozicii vo Francii v 1799-1812 gg.). Saratov, 1980].

Митрофанов Андрей Александрович

кандидат исторических наук
научный сотрудник
Институт всеобщей истории РАН
119334, Москва, Ленинский пр-т, 32а
e-mail: paxgallica@gmail.com

Mitrofanov, Andrey

PhD (History), Researcher
Institute of World History
the Russian Academy of Sciences
32a, Leninski Ave., 119334 Moscow,
Russia
e-mail: paxgallica@gmail.com
Resercher ID: J-8249-2017
ORCID 0000-0002-8480-5345
Scopus Author ID: 57221665172